

уже по тому одному, что она была сатирической, не могла быть риторической. Не только при Кантемиръ, но и гораздо спустя послѣ него, русская литература могла, если бѣ повяла свое положеніе, смѣяться и осмѣивать, а между тѣмъ она больше восторгалась и надувалась. Впрочемъ, дѣйствительность — таки взяла свое, — и русская литература какъ-то, сама собой, безсознательно, раздѣлилась на сатирическую и риторическую. Значительная часть сочиненій Сумарокова въ сатирическомъ родѣ, — и, несмотря на тупость и аляповатость сатирической музыки этого неутомимаго писателя, стремившагося къ всеобъемлемости и ничего не объясняшаго, его нападки на подъячихъ не были бесполезны; если онѣ не исправляли нравовъ, зато поддерживали въ обществѣ сознаніе, что порокъ есть все-таки порокъ, хотя бы онъ былъ и неизбежнымъ зломъ. Слѣдовательно, благодаря, можетъ быть, заслугѣ одной только литературы, у насъ зло не смѣло называться добромъ, а лихоимство и казнокрадство не титуловались благонамѣренностью, какъ это всегда водилось и теперь водится, напримѣръ, въ Китаѣ. И могло ли это быть у насъ иначе, если сатирическое направление со временъ Кантемира сдѣлалось живой струей всей русской литературы? Не говоря уже о Фонвизинѣ, котораго превосходный талантъ былъ по преимуществу сатирический, — самъ Державинъ, который по духу своего времени риторическую прелесть считалъ за-одно съ поэзіей, — заплатилъ большую дань сатири. И еще далеко не успѣлъ блестящій лирикъ вѣка Екатерины допѣть своихъ громозвучныхъ одъ, какъ явился на Руси національный баснописецъ — Крыловъ. Это сатирическое направление, столь важное и благотѣльное, столь живое и дѣйствительное для общества, въ которомъ такъ странно боролась прививная европейская форма съ азиатской сущностью родной старины, — это сатирическое направление никогда не прекращалось въ русской литературѣ, но только переродилось въ юмористическое, какъ болѣе глубокое въ психологическомъ отношеніи и болѣе родственное художественному характеру новѣйшей русской поэзіи.

Говоря о Кантемиръ, нѣтъ нужды распространяться въ біографическихъ подробностяхъ; но не мѣшаетъ взглянуть бѣгло на жизнь Кантемира въ ея связи съ литературой. Есть на русскомъ языкѣ старинная книжица, изданная Новиковымъ въ 1783 году, подъ титуломъ: «Исторія о жизни и дѣлахъ молдавскаго господаря князя Константина Кантемира, сочиненная Санктпетербургской Академіи Наукъ покойнымъ про-

фессоромъ Бееромъ, съ російскимъ переводомъ и съ приложеніемъ родословной князей Кантемировъ.» Въ этой книжицѣ сказано, что Кантемиры свой родъ производятъ отъ крымскихъ татаръ, и доказано кстати, что въ этомъ обстоятельстве для Кантемировъ нѣтъ ничего унижительнаго, потому что «знатностью, породы, каковую предки наши или на прямой добродѣтели, или на некой мнимой славѣ въ своемъ утвердили потомствѣ татары намъ не токмо ни мало не уступаютъ, но еще гораздо больше, нежели мы, благородствомъ знаменитѣйшихъ мужей превозносятся: ибо нѣтъ у нихъ ни единого такового важнаго и храбраго дѣла, за которое подлой или простолудинѣ могъ бы когда-нибудь приценъ быть въ число мурзъ.» Послѣ такого поистинѣ татарскаго воззрѣнія на несомнѣнность родовой знаменитости князей Кантемировъ наивная книжица неоспоримо доказываетъ, что Кантемиры происходят по прямой линіи отъ Тамерлана, что видно изъ самаго ихъ имени: Канъ-Тимуръ, т. е. родственникъ Тимура. Но для русской литературы все равно, отъ Тамерлана или, еще древнѣе — отъ Адама произошелъ сатирикъ Кантемиръ. Для нея довольно знать, что онъ былъ сынъ молдавскаго господаря Дмитрія Кантемира, столь извѣстнаго въ исторіи Петра Великаго по турецкой войнѣ, кончившейся миромъ при Прутѣ. Князь Дмитрій былъ человекъ ученый; съ особеннымъ удовольствіемъ занимался онъ исторіей, «былъ весьма искусенъ въ философіи и математикѣ и имѣлъ знаніе въ архитектурѣ»; былъ членомъ Берлинской Академіи; говорилъ по-турецки, по-персидски, по-гречески, по-латыни, по-итальянски, по-русски, по-молдавски, порядочно зналъ французскій языкъ и оставилъ послѣ себя нѣсколько сочиненій на латинскомъ, греческомъ, молдавскомъ и русскомъ языкахъ. Изъ нихъ «Система Мухаммеданскаго Закона», по повелѣнію Петра Великаго, напечатана въ Петербургѣ въ 1722 году. Очень естественно, что у такого отца дѣти были людьми учеными и образованными.

Антиохъ былъ четвертымъ сыномъ князя Дмитрія и родился въ Константинополѣ 1708 года сентября 10. Такъ какъ отецъ скоро замѣтилъ въ немъ отличныя дарованія, то и приложилъ особенное стараніе о его воспитаніи преимущественно передъ всѣми другими своими сыновьями. Сначала Антиохъ воспитывался въ Харьковѣ, потомъ въ Москвѣ, наконецъ, въ Петербургѣ. Вездѣ пользовался онъ уроками лучшихъ въ то время преподавателей. Не желая ни на минуту спустить глазъ своихъ съ любимаго сына, князь Дмитрій взялъ Антиоха съ со-